

Таких, как она, в России были тысячи. На Нижегородчине, Рязанщине, Смоленщине... Россия не делила свой народ по национальности. На Победу работали все одинаково. Гульфия Мингазова – на Горьковской железной дороге.

Г УЛЬФИЕ было пять, когда Бари Хабибрахманов снял семью с насиженных мест. В деревне начался голод, а Гульфию, младших Минхата и Фарида, жену тоже нужно было кормить.

Бари взяли кондуктором на товарный поезд. Жену и ребятшек устроили в приюте временного содержания, попросту, в конюшне. Стойла были разделены на пять семей, там и жили.

Отец возвращался со смены замерзший и голодный, а на работу опять через три часа... Однако железная дорога дала детям путевки в садик, а потом и выделила тринадцать квадратных метров в настоящем доме. Жили бедно, но старшая дочь не бросала учебу – мудрые родители видели, что девочка умница.

Когда началась война, Гульфия только-только исполнилось четырнадцать. Рассказывает, что в перемену стали давать по пятьдесят граммов хлеба вместо привычных супа и каши.

- Был введен режим светомаскировки, - вспоминает Гульфия Бариевна. - И вечерами мы с одноклассниками ходили на дежурства, проверяли, занавешены ли все окна и выключен ли свет. Иногда удавалось послушать новости о войне по радио. Часто с нашей станции отправляли поезда с посылками на фронт. Моя мама и многие другие женщины вязали теплые носки и отправляли их солдатам.

Отец остался в тылу по «брони». Но стало совсем голодно.

Однажды Гульфия решилась на серьезный разговор с родителями:

- Зря меня учили, да? Зря чабата топтала, да? – девочка горячилась, заглядывая в лицо заплакавшей матери. – Пойду работать, лапша будет, братьям теплый бешмет будет, в печку казан будет.

Отец сидел, наспившись, прятал глаза.

- И я, и я пойду, ата! – загорелся Минхат. – Стану фонарь за тобой носить, башмаки на рельсах двигать.

Отец, взглянув на двенадцатилетнего сынишку, вздохнул. Мама, закрыв лицо ладонями, застонала.

... - Девочка грамотная, отдадим в ученики счетоводу, - сказали на следующий день в отделе кадров железной дороги. - Оформим вашу Гульфию в расчетную группу бухгалтерии месткома.

Так Гульфия Хабибрахманова стала рабочей. Поначалу просто носила туда - сюда бумажки. Потом научилась быстро складывать колонки цифр. Скоро серьезной девочке начали доверять обработку финансовых документов попроще.

- Писанина, - коротко отвечала она на вопросы любопытных подружек, что у нее за работа.

За парту ей сестра больше не пришлась. Про себя она всегда так и говорила: самоучка.

НАШЛОСЬ место на дороге и для маленького Минхата. Его устроили в автоматический цех паровозного депо учеником слесаря. Отец, если не был в поездке, приглядывал за детьми, как кондуктору, сопровождающему солдат на фронт, ему было положено бесплатное питание на работе, но свою порцию Бари всегда приносил дочке и сыну.

Счетовод, бухгалтер да старший бухгалтер - вот и все записи в трудовой книжке Гульфии, по мужу - Мингазовой. Трудовой стаж - сорок лет.

- Ситуации разные бывали, - вспо-

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

минает Гульфия Бариевна. – В первые годы работы насмотрелась на настоящий голод и смерть. С работы посылали выгружать вагоны с дровами, полоть траву, отправляли «на картошку».

Но ребенок есть ребенок. Одно из самых ярких воспоминаний Гульфии: строй пленных врагов - германцев в полосатой форме, которых водили мимо окон в баню. На окраине города был госпиталь и перевалочный пункт для пленных.

Поезда везли эвакуированных, а поддерживать их жизнь было нечем даже в селах, которые кормились с земли – все уходило на фронт. На колхозных рынках двухкилограммовая буханка хлеба стоила три сотни рублей, столько рабочие не получали. И когда государство в первый год войны стало вводить нормированное снабжение, первыми, кто взялся контролировать обеспечение карточками на хлеб, сахар, мыло стали месткомы.

В 1942 году, когда появились Отделы рабочего снабжения, то кто же, как не местные комитеты профсоюза принимали жалобы рабочих и разбирались в проблемах, связанных ОРСовскими совхозами, бытовыми мастерскими, ларьками и столовыми.

Люди не уходили с рабочих мест сутками. Те, кто прежде с пренебрежением относились к слову «общепит», теперь не могли дожидаться минуты, когда можно будет съесть положенную норму каши в деповской столовой. И очереди здесь были часто не потому, что повара не успевали делить порции, а потому, что раскладывать кашу было ...не во что. Случалось, и ложек было одна на десятерых.

И за одним столом сидели башкиры и украинцы, мордва и белорусы: «горькому горюшку что татары, что русские».

Месткомы брались за все. Они инициировали массовое движение жен рабочих в помощь образцовой работе дорог зимой. Организовывали в цехах открытые заседания народного суда за

Зато набраться в них сил и здоровья досталось двум сыновьям Гульфии. Маленькие батыры не раз выходили лагерными победителями в куреше – борьбе на силу и ловкость.

Семья Гульфии – отдельная глава повествования.

- Мой муж Вазых Мингазов попросился работать на станцию деревенским подростком, - рассказывает Гульфия Бариевна.

ГЛАВА семьи Мингазовых Фатых к этому времени ушел на фронт, в деревне остались с мамой трое его детей. Вазых, старший сын, решил уйти из дома, чтобы не обременять семью «лишним ртом». На станцию он пришел пешком в материнских чулках, драной одежде и не представлял, как жить дальше.

Мальчишку устроили кочегаром на паровоз и заставили сесть за парту фабрично-заводского училища. Жил в общежитии, сильно голодал, как и все в то время. Когда доучился до помощника машиниста, получил комнату в коммунальной квартире. Вазых сразу же взял мать и младших братишку с сестрой к себе. Причем все вместе они опять проделали весь путь пешком и даже привели из деревни свою корову.

Работая помощником машиниста, Вазых по дороге на фронт не раз попадал под бомбежки. В одном из рейсов получил ранение в ногу. Всю жизнь прожил в осколках металла у кости.

дисциплину производства. Составляли разрядки на работу в посевную и по уборке урожая в подсобном хозяйстве дороги. Следили за тем, чтобы в общежитиях были запасы топлива и постельного белья. Контролировали работу бань. Добивались открытия детских садов. Огородные комиссии разбирались с вопросами по выделению земли рабочим под личные грядки и всячески поощряли железнодорожников, добившихся высокого урожая.

А по субботам месткомовские набивали корзины пачками махорки и развозили ее по линии: курево на рабочих местах было подчас драгоценнее хлеба.

- Конечно, мы не всегда сидели в тепле со счетами, - вспоминает Гульфия Мингазова. - Мне очень запомнились весны, когда готовились к пионерскому лагерному сезону. Холодно, дождь, грязь, а мы, девушки, выгружаем на месте летнего лагеря посуду, постели, карандаши и тетрадки для ребятшек. Я вытираю мокрое лицо – и от дождя, и от слез – и вспоминаю свое худое детство. Мы о таких лагерях с простынками даже не мечтали.

Гульфия познакомилась с Вазыхом после войны - в кино. 6 сентября 1952 года расписались в поселковом совете.

- Никакой свадьбы не было, - рассказывает Гульфия Бариевна. - Просто пошли и расписались. Никаких колец, платьев и фаты. Жить стали у моих родителей. Братья спали посередине комнаты на полу, родители на кровати, мы с Вазыхом в углу, тоже на полу.

Через полтора года, когда у Мингазовых родился старший сын Радиф, им дали комнату в коммунальной квартире на три семьи. Потом родился второй сын - Радик. Восемнадцать лет они жили в одной комнате четвером. В 1970-м получили отдельную квартиру.

В это время старшие дети уже работали. Радиф стал монтером на дистанции электроснабжения. Радик – составителем в вагонном депо. На следники подарили Гульфии Бариевне четверых внуков и семерых правнуков. И пусть уже слабы ноги и плохо видят глаза, старая хозяйка – самый уважаемый человек в семье.

- Всем желаю счастья, лишь бы не было войны, - говорит бабушка Гульфия.

Лариса АНДРИУШИНА